

Виктор Куркевич

История Киева

Киев

ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКИЙ

Харьков
«ФОЛИО»
2019

РУСЬКИЙ КИЕВ

Первой мыслью было начать книгу с рассказа о литовском Киеве, но пришлось немного с этим повременить. Я — автор и в этом произведении продолжу разрушать сложившиеся стереотипы украинской истории и оживлять, придавать интригу событиям давно минувших столетий. Следует помнить, что история всегда субъективна и давно стоит на службе политики. Что сознательное гражданское общество, оторвавшись от насковозь пропитанной лживой тенденциозности советских школьных учебников не знает, «куда причалить», где почерпнуть хоть более-менее достоверные сведения о нашем прошлом. В этом очень сложно разобраться... И какая «пыль веков», когда наши современники заблудились в «трех соснах» современной политики и на «минном поле» экономических взаимоотношений и криминальных дрызг олигархов! Какое Литовско-Руськое государство, когда никто не знает, что делать с Донецким кряжем.

История, безусловно, является наукой субъективной, ведь историк не имеет непосредственного доступа к реальности, которую описывает. Когда-то выдающийся французский исследователь Марк Блок остроумно заметил, что ни один историк не услышит грохот пушек под Аустерлицем и никогда не увидит Рамсеса, поэтому всё, о чем он пишет, есть продукт его личного воображения, которое подпитывается разными способами и методами. А у меня, дорогой

читатель, не только богатая фантазия, но и выработанная полувеком активного коллекционирования, отлично развитая зрительная память, опирающаяся на тысячи исторических артефактов. История тем и отличается от беллетристики, что рассказывает и предполагает, как и что могло произойти. Нужно лишь подстегнуть воображение, углубляясь в описываемую эпоху!

Мы часто слышим, что в истории много «белых пятен», но на самом деле такие «пятна» — это просто еще не исследованные страницы прошлого. А если разобраться, то время, окружение подсказывают историку их важность, необходимость воспринять, прочувствовать эпоху, разобраться, почему возникло это «белое пятно» — и дать ответ, очистить от ложных идеологических наслоений и «новых хронологий». Но ответов будет великое множество, и легко убедиться, что в каждой проблеме может поместиться столько историков, «сколько ангелов на кончике иглы», — именно этот вопрос интересовал в исследуемом временном периоде богословов и даже философов. Всё, что я описываю, имеет немало ракурсов, и каждый содержит ответ, который часто по конъюнктурным и политическим причинам редко озвучивали... А если разгадать причину этой «исторической завуалированности», то нетрудно докопаться до истины. Инструментов много: поиск источников, чтение между строк, домысливание прочитанного, мастерство логически всё вместе связать, применить широко используемый в геологии (я в прошлом геолог) метод аналогий, умение вписать всё это в более широкий контекст — одним словом, отшлифованное до совершенства мастерство, которое формировалось десятилетиями.

Только наивный исследователь, в отличие от профессионально зрелого, слепо верит источнику. Работа с ним — это азартная игра, нечто похожее на разгадывание кроссворда. Нужно понимать, что источники по определению не могут донести до нас «абсолютной истины». Первый повод для сомнения: документ составил человек, у которого были свои жизненные приоритеты. Второй повод заключается в самом

историке — это его мировоззрение, его семейные, образовательные, религиозные и культурные ценности, а также стереотипы времени, в котором он живет. И наконец, третий повод для сомнений — в полной мере объективный — это устоявшиеся в науке стандарты описания истории. Всех различений не предусмотреть, можно апеллировать только к единственному: держать дистанцию между собой и источником, при этом всегда помнить, что нельзя ожидать «чистой правды». Источник всегда лишь одна из возможных «искорок минувшего», а не прошлое во всей его полноте. Один из выдающихся теоретиков историографии XX столетия Бенедетто Кроче заметил, что всю историю может охватить лишь «глаз Бога».

Источником для историка является всё, что «выдает» присутствие человека: это материальные следы прошлого, документальные свидетельства, артефакты, мемуары, произведения искусства, летописи, хроники, письма, дневники. В полной мере источником является и художественная литература: например, из расставленных Сенкевичем акцентов в «Крестоносцах» мы узнаём, чего ждали от писателя в эпоху романтизма.

С конца XIX века источники пополняются фотографиями и кинофильмами, потом видеозаписями. Отличить в них «правду» от мимикрии под нее непросто. Когда я учился в Киевском университете, нам часто говорили, что фотография — это достоверный источник, выхваченный объективом кусочек жизни. Но, собрав в своем архиве около тысячи документальных снимков, убедился, что среди них немало постановочных, особенно этим грешили тоталитарные режимы. В первую очередь, это постановочная кинохроника. Родной брат моей бабушки, Владимир Добжанский, снимая хронику с 1911-го по 1918 год, не применял постановок. Как можно было поставить в нужное место Николая II, Столыпина или Грушевского, которых он «навечно» запечатлел на пленку. В эпоху «политпропаганды» кадры «штурма Зимнего дворца», растиражированные в тысячах копий, всего-навсего фрагмент художественного фильма.

«Высот в визуальном хвостовстве» достигли нацистская и советская кинохроника. Убедительный пример — оператор во время парада на Красной площади снимает радостных трудящихся и товарища Сталина, а не людей, которые в это самое время откупоривали бутылку казенной водки в подворотне. А во время войны хроникер снимал не повседневные ужасы и грязь, а храброго комбата, который с призывом «За Родину, за Сталина!» и с револьвером в руке рванул навстречу врагу. Элементы реальности безусловно, присутствуют, но историк обязан воспринимать их критически и не забывать об идеологическом заказе таких «документальных свидетельств», часто выполненных мастерами культуры на высоком профессиональном уровне.

Когда-то философ Декарт назвал историка «путешественником», который, переместившись из своего времени в другое, перестает быть полезным для своей страны и своего окружения — он *«становится чужестранцем у себя дома»*. Хорошо это или плохо — вопрос риторический... Меня, к примеру, мало интересует, как формируется коалиция в Верховной Раде, а азарт у меня появляется, когда в пертурбациях и драках сегодняшних депутатов я вижу отголоски таскания за бороду в московской Боярской думе...

Что касается профессиональных и конкретных ориентаций, я считаю, что одним из принципиальнейших является материалистическое или идеалистическое восприятие прошлого. Немножко упрощая, напомним, что материалистический подход предусматривает приоритет экономического бытия и материальных реалий в понимании способов мышления и поведения человека. Идеалистический подход, в свою очередь, отдает первенство способам осмысления мира, к которому по-своему «присоединяется» материальное бытие. Я всегда в своих рассказах и произведениях заявляю, что давно принадлежу к «идеалистам», мне в первую очередь хочется проникнуть в сознание человека и понять, почему он поступает так, а не иначе. Я глубоко убежден, что именно стереотипы поведения, продиктованные теми или иными представлениями, обуславливают специфику

движения истории в определенный период. Люди всегда поступают так, как им кажется «правильным». Но каким образом они получают это сомнительное понятие «правильности»?

Чтобы разобраться в этом, нужно внимательно проанализировать, как они сами мотивируют свои поступки. Большинство мотиваций в так называемое доиндустриальное время (то есть до рубежа XVIII—XIX столетий) на современный взгляд кажутся странными или, по крайней мере, нелогичными. Например, никто сегодня не считает, что абсолютным регулятором поведения должны служить категории «чести», что «верность» патрону выше преданности родине и народу (а что такое «народ», тогда вообще никто еще не знал), что лишь семейно-родовая солидарность обеспечит человеку и спокойствие, и уважение в социуме, что религиозность есть обязательная примета «хорошего человека», что блага своей душе на том свете он скорее достигнет, если его тело будет погребено «рядом с предками» на семейном кладбище, и тому подобное. Эти поведенческие стереотипы стали понемногу расшатываться уже в Новое время, потом все это усугубилось в XIX столетии с появлением разночинцев. А окончательно их развеяли две ужасные войны на уничтожение, нацизм и советский тоталитаризм, целенаправленное истребление целых народов, чистки инакомыслящих.

В Советском Союзе это дополнилось еще и принудительной «коллективизацией» — от быта до так называемой общественной жизни, когда все были обязаны «ходить в ногу», говорить только то, что нужно, и думать одинаково. Большевицкий эксперимент над «человеческим материалом» не оставил и следа от старых поведенческих стереотипов, которые еще кое-где тлели в сельских общинах.

В течение последних десятилетий, после так называемого антропологического поворота в историографии, проявилась приоритетная историческая заинтересованность: что же окружает человека, что он делает, ест, как работает, чем болеет, как организует свой быт, семейную и сексуальную жизнь. Эти проблемы считаются «повседневной

историей». Ранее это было делом этнологов, а теперь банальная каждодневность набирает все большую популярность среди исследователей. Когда в 1984 году по курсу «Истории СССР» в университете нужно было написать реферат, я выбрал тему о Лже-Дмитрии, которого давно считаю настоящим Рюриковичем — последним — на московском престоле. Мой преподаватель Вячеслав Мордвинцев прочел реферат с удовольствием, но отметил, что так историки не пишут. Я это запомнил. Большинство моих коллег, увлекшись принятыми в советской историографии «социальными волнениями», писали скучно, а мои книги покупают и читают с удовольствием.

Рассмотрим еще один из участков науки, ставший в последнее время особо популярным — «историческая память». Его целью является изучение «памяти общественности», а конкретнее того, как образ прошлого утверждается и воспринимается в коллективном сознании определенной общности: посредством мемориальной практики, искусства, памятников героям или определенным событиям, названиям улиц; учебной литературы и так далее. Отдельным аспектом таких исследований является сознательная корреляция такой «памяти» с учетом сегодняшних потребностей со стороны государства или «глашатаев» соответствующей идеологии. Пример — особенно яркий и сохранившийся в нашей памяти, — идеологическая политика Советского государства. Но не только это, достаточно примеров мы находим вокруг себя и сегодня.

И наконец, за последние десятилетия очень возрос интерес к развитию религиозного сознания человека. Представьте себе, сколько тут можно сочинить сюжетов, причем на разном материале, с использованием многочисленных конфессиональных сред. Поклонения чудотворным иконам и реликвиям, изменения в проповедничестве, география паломничества, трансформация теологических доктрин в восприятии мирян, реакция официальной церкви на нужды времени и, наконец, демонология и вера в сверхъестественные явления.

И самое важное: существует «две истории». Первая, академическая, не обязанная служить никому и ничему, ни воспевать, ни пропагандировать. Другая — популярная, и именно ее время от времени мы видим в киноверсиях, в художественной литературе, театре, на страницах газет, а особенно в выступлениях политиков... При этом важнейшее пожелание составителям учебников — социализировать ученика в школе, то есть без лишних сложностей рассказать ребенку, гражданином какой страны он является, к какому народу принадлежит, какими были трагические и славные страницы истории этого народа и тому подобное. Именно из «школьного продукта» формируется каркас, который позже будет обрывать деталями и нюансами в упомянутой выше популяризации «нашего» прошлого, а отсюда — содействовать утверждению национальной идентичности. Но хочу заметить: сегодня академическая наука служит власти, а популярная, бывает, иногда и народу.

В последнее время особенно остро ставится вопрос: на каком языке писать книги по истории. Я предпочитаю писать на русском языке, но не потому, что я им владею лучше. Главное то, что люди, живущие за пределами нашей страны, лишены возможности познакомиться с нашей истинной историей. Их пичкают сотнями книг, где все, что касается Украины, изложено лживо и тенденциозно! И как же им узнать правду о нашей стране, о ее истории и людях? О гетманах за последнее время написано немало, а вот о литовско-русских князьях, духовных святителях и просветителях в Украине почти ничего нет. Только издательство «Балтия-друк» заполняет эту пустоту.

В книгах, которые повествуют об эпохе XIV—XVII веков совсем мало страниц. И не потому, что недостаточно сведений, а скорее всего потому, что как-то неудобно писателям XIX века и историкам прошлого столетия вспоминать о литовско-русском периоде. Дело в том, что ученые имперские... неважно какой империи, российской или советской, не очень любили излагать истории народов, которые по культуре, образованности и по своему

государственному строю были более прогрессивными и развитыми.

Когда московские князья, чтобы получить ярлык на правление, целовали сапоги монгольских ханов, поляки, русские и литовцы строили мощное государство и, не боимся сказать, создали настоящую шляхетскую республику — Речь Посполиту, в которой право голоса и выбора руководителя имело 10% всего населения. А это немало! Сейчас, в начале XXI века, не все европейские государства могут этим похвастаться. Немного позже опишу этот период более подробно. К тому же вульгарная историография, утверждавшая, что социализм и коммунизм в стране можно построить и во враждебном социально-идеологическом окружении, старалась не упоминать эти «неудобные» государства. СССР, по их мнению, был островом, вокруг которого бушевал безбрежный, чуждый и темный океан. Поэтому, обучаясь на историческом факультете Киевского университета, я был несказанно удивлен тем, что историю Вавилона и шумеров мы изучали, а вот историю Польши, Белоруссии — нет! При этом два года нам читали курс о Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), не углубляясь в причины — почему во всех странах были коммунистические партии, а в Польше — нет. Это тема другой книги, а вот причина ясна: польскую компартию ликвидировали и исключили из Коминтерна в 1939 году, как раз перед нападением нацистской Германии и Советского Союза.

Доктор исторических наук Виктор Брехуненко считает, что всё, связанное с литовским периодом в Украине, а также украинские города, получившие Магдебургское право, род Острожских, личность князя Свидригайло требуют не только тщательного освещения, но и знакомства с ними как можно более широких слоев населения нашей страны.

Задача этой книги — хотя бы вкратце рассказать об этом важнейшем периоде становления нашего государства. В ней есть разные страницы, без которых все равно не обойтись — это имело место. Те, кто получал образование в советских вузах, прекрасно научились пропускать мимо

ушей, а тем более сознания, нудно-беспольные сведения. Но тут другое. Как говорится, «каждому свое». Мои книги написаны для читателя, мыслящего широко, но при этом читающего узкоспециализированные материалы. В этом томе можно пролистывать скучные, непонятные страницы, и при этом не потерять нить изложения. Так построена эта книга, в отличие от занятого детектива, где пропустишь какую-нибудь реплику... и не поймешь, кто убийца.

В соответствии с советской историей Киевская земля стояла как одинокий воин, в ней ничего не было — ни торговли, ни сбора урожая, ни образования, ни вероисповедания — безлюдная пустыня. То есть историки примеряли на соседние страны свой московский «тришкин кафтан». Как в свое время Япония, на московскую землю не пускали иностранцев, еще раз подчеркиваю — иностранцев, немцев, которые лопочут на своем непонятном языке... Тут хочется вспомнить высказывание одного из моих туристов, который из России попал ко мне на экскурсию по Парижу. Он заявил: «Какие они тут тупые! Второй раз в Париж приезжаю, и никто из них не понимает по-русски!» Но Япония, ограждаясь от чуждого ей влияния, при этом обладала мудрой, национальной культурой и сложившимся укладом. В Москве на дух не принимали Запад, даже врачей, которые редко прибывали к ним, при первой же неудаче топили в Москва-реке.

Не знаю, увидели ли вы отблески возможного будущего вашей страны в этих абзацах. Наверное, вы увидите больше различий, чем сходства. Но ведь это только сегодня. Конечно, история повторяется выборочно, и вполне возможно, что через 100 лет в нашем регионе всё будет совершенно по-другому. Хотя, опять же возможно, что сам вопрос «Как же оно будет?» не так уж и важен. Пожалуй, гораздо более принципиальным сегодня является вопрос «А как бы мы хотели, чтобы оно было?»

И эта книга, в первую очередь, для российской интеллигенции, которая желает понять, как появились украинцы, белорусы и русские. Когда у этих народов появился свой

язык. А то можно услышать, как директор российского института стратегических исследований Леонид Решетников публично заявил, что нет никакой независимой страны Белоруссии. Он также усомнился в том, что Белоруссия может быть независимой от России, и заявил, что белорусский язык был создан в 1926 году по решению советских властей. Абсолютная историческая, да и умственная «дремучесть» этого генерала подтверждает, что он не знал о существовании Великого княжества Литовского, поэтому и говорил о «литвинских князьях».

КИЕВ ПОД ЛИТВОЙ

Человек всегда заботился о потомках. Яркая, наполненная событиями жизнь не должна была исчезнуть из памяти вместе со стремительным бегом времени. Еще с библейских времен сознание людей будоражила мысль о необходимости передать в будущее накопленный опыт, донести до следующих поколений важные, ключевые события прошлого. Письменными мостиками, соединившими прошлое, настоящие и будущее, стали погодовые записи, выполняемые монахами.

Анналы, хроники и летописи в своем названии уже несут отпечаток времени. «В лето...» начинаются статьи русских летописей, латинским Anno(в год) — записи в анналах, а от слова rok ведут название польские рочники. Обогащенные пространными описаниями, легендами и поучениями анналы средневековья получили название «хроники» (от греческого «хронос»). Средневековые хроники подвели к современности постепенно, традиционно начиная историю мира с библейских времен. Для убедительности датировались легендарные события, и отечественная история естественно вплеталась в широкую канву всеобщей. В недрах прошлого, вплоть до Святого Письма, летописцы-хроникеры отыскивали прародителей правящих династий. Народы и вновь сформированные государства получали своих легендарных основателей. Родоначальником римлян признавался Ромул, поэтому памятники волчице,

вскармливающей Рема и Ромула, украсили Бухарест и Кишинев, чтобы окружающие народы знали, что румыны и, соответственно, молдаване — потомки римлян, и не только по гордому профилю!

У всех народов был, по мнению летописцев, свой предводитель и родоначальник: паннонцы ведут свой род от Пана, славяне — от Слава, чехи — от Чеха, лехиты (то есть поляки) носили имя праотца Леха, и так далее. Имена мифических героев — Кия, Крака, Вара и Савы — превращались в топонимы, обосновывающие исторические права народов на занятые территории. Описание прошедших времен заимствовалось как из сочинений античных и христианских авторов, так и из трудов предшествующих хронистов.

Если в предыдущем томе я чаще останавливался на летописях, то в этом — больше на литовских и польских хрониках. В конце XIII—XIV веке стали складываться предпосылки для формирования двух государств — Польши и Литвы. Киевская Русь ушла, не оставив завещания! ПОЛИТИЧЕСКОГО завещания, но на ее духовности и культуре воспитывались — не одно столетие — окружающие и жившие на ее земле народы. Ее славная история, воспетая достоверными летописями и мощной литературой, и сейчас показывает всему миру высокий цивилизованный уровень Руси. Так, памятник святому князю Владимиру в центре Москвы говорит о мощи наших истоков. Хотя историческая обоснованность сооружения этого монумента где-то на уровне «кишиневской волчицы».

Изучение памятников славянской средневековой исторической мысли чрезвычайно плодотворно. Сохранившие драгоценные зерна исторической правды анналы, жития, летописи и хроники позволяют проникнуть в мир представлений и ощущений средневековых авторов. Они дают возможность почувствовать пространственную и духовную мощь той общности, которую именовали славянством. Польские, чешские и русские средневековые источники демонстрируют убедительные примеры осознания славянскими народами своего этнического и территориального единства,

сходства в происхождении, судьбах и путях развития государственности. И так много общего в менталитетах народов, проживающих на территории современных стран — Украины, Польши, Литвы и Беларуси, — что мне, автору, представляется, что в обозримом будущем эти государства будут строить свое развитие и процветание в конфедерации, как недавно Бенилюкс и давным-давно — Речь Посполита, о которой много сказано-пересказано в этой книге! Ведь это было одно из крупнейших и мощнейших государств средневековой Европы. Пора приступить к изложению.

Киевская Русь стояла, как витязь на распутье: в какой народ определится, кем стать: Украиной, Белоруссией, Россией? Вот об этом выборе ПУТИ и будет книга. Выбор и дороги и в нашем XXI столетии так трудны, как и тысячелетие тому назад. И сегодня, когда я пишу эти строки, жители и гости моей прекрасной Украины полностью не определились: куда идти?.. И далеко не у всех есть жизненный опыт, основанный на знаниях прошлого! Такой, какой имеет автор! Я-то четко знаю: только на Запад, к Европе, в которой мы уже давно! И не столь географически, сколь духовно! Этот путь выбрали наши предки семь веков назад, тяготая не к Орде, а к Литве и Польше. И через СТОЛЕТИЕ ощутимо почувствовали разницу, таки да, как сейчас говорят в Одессе: «Это две большие разницы». Кстати, Одессу основал литовский князь! Но об этом позже.

Киевскую Русь начали расшатывать и разрушать задолго до монгольского нашествия, в первую очередь, северо-восточные соседи — владими́ро-суздальские князья — Юрий Долгорукий и его дети-внуки-правнуки... Их главной целью было лишить величия, ослабить, ограбить, разрушить Мать городов руських! Создать свою Владимирскую Русь!

Советские историки и их идейные последователи описывали жизнь страны после сожжения Киева Батыем как какого-то государства Маврикий, находящегося на далеком от всех влияний острове. Причин этого безобразия было немало, но преобладала неграмотность специалистов и нежелание делать научно обоснованные обобщения.

СОДЕРЖАНИЕ

РУСЬКИЙ КИЕВ	3
КИЕВ ПОД ЛИТВОЙ	13
Ольгерд — великий князь Литовский.....	26
Витовт Великий.....	42
Свидригайло	57
Витовт (продолжение)	69
Грюнвальдская битва 1410 года.....	81
Ян Длугош, Матей Стрыйковский и другие первоисточники	100
Москва в конце XIV века.....	108
ДЕЛА ЛИТОВСКИЕ	116
Киевское княжество.	
События, власть, традиция.....	123
Митрополит Киевский и всея Руси Киприан.	
Борьба за единую церковь.....	133
Фотий, митрополит Киевский	143
Евреи, караимы и раббаниты в Киеве и Литве	156
РЕНЕССАНСНЫЙ ГУМАНИЗМ	189
«Наші хлопці» на европейских землях.....	194
Культурный расцвет Киева.....	209
Битва под Оршей.....	227
ДЕЛА МОСКОВСКИЕ	241
Софья Палеолог и Иван III	241

Битва на реке Шелони	246
Москва не Русь	250
Разнузданный нрав Ивана Грозного.. . . .	254
КИЕВ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ	263
Ходьки и другие «недобрые молодцы»	263
РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ	275
Как Киев оказался под Польшей	275
Сигизмунд I Старый: король по воле случая.	284
Нострадамус о Киеве, Украине и о нас с вами	291
Реформация в Польше. Протестантизм в Великом княжестве Литовском.	295
Правление Сигизмунда III	296
Причины заключения Брестской унии.	300
Сторонники и организаторы Брестской унии	303
Последний Рюрикович — московский царь	308
Родился и погиб на Украине	320
Петр Сагайдачный и его поход на Москву	321
Королевич Владислав на московском престоле	330
Первые Романовы и Киев	337
Последний Рюрикович и старый ревнитель православия	339
«Псы Господни» в Киеве	345
Киево-Могилянская школа	352
АДАМ КИСЕЛЬ — ПОСЛЕДНИЙ ВОЕВОДА КИЕВСКИЙ	367
КИЕВСКИЕ ВОЕВОДЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО (1471—1569).	391
КИЕВСКИЕ ВОЕВОДЫ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (1569—1793).	392